

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ РУБЛЕВО-VI¹

Период поздней бронзы на юге Западной Сибири характеризуется расцветом археологических культур, возникших на пост-андроновском пространстве. По сравнению с предыдущим периодом мы наблюдаем как количественный, так и качественный рост числа местонахождений, поселений, могильников. На территории южной части Верхней Оби и Кулундинской степи значительными площадями исследованы поселения ирменской, корчажкинской, саргаринской культур и бурлинского типа памятников поздней бронзы. Все они дали огромный материал по планиграфии, домостроительству, хозяйственной направленности древнего населения, большое количество изделий из кости и бронзы, а также значительные керамические серии, позволившие провести культурную стратификацию региона в указанный период (Шамшин, 1988; Удодов, 1994; Ситников, 2002; Папин, 2004; Федорук, 2006; Демин, Ситников, 1999; Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990; Иванов, 2000; Удодов, 1991; Папин, Шамшин, 1999).

В настоящее время на территории российской части Кулундинской степи учтено более 80 памятников, содержащих материалы эпохи поздней бронзы. Подавляющее большинство из них составляют поселения, наиболее изученными из которых являются Рублево-VI (южная Кулунда), Новоильинка (северная Кулунда), Жарково-1, 3 (центральная Кулунда), Суслово-1, Миронов Лог-2, Калиновка-2 (восточная Кулунда) (Папин, Федорук, 2005). К сожалению, на большинстве памятников планиграфические наблюдения не производились, либо они не опубликованы. Однако можно отметить, что все поселения неукрепленные, а на ряде крупных наблюдается круговое расположение жилищ (Рублево-VI, Жарково-3, Калиновка-4). Зольник является неотъемлемой частью поселения, обычно он располагается в северо-западной части памятника. Для его сооружения использовались как естественные, так и специально вырытые углубления. В целом стационарные комплексы характеризуются довольно значительными отложениями культурного слоя, указывающими на определенную концентрацию населения и продолжительное время обитания, известны поселения, где площадь распространения находок превышает 10 га. (Рублево-VI). Как правило, на таких памятниках выделяются специализированные производственные или культовые участки, прослеживаются попытки архитектурно-планировочной организации территории. За такими объектами было предложено закрепить название «хозяйственно-культурные центры» (Папин, 2001; Папин, 2003).

Демонстрируемая для данного региона освоенность территории и относительно высокий уровень концентрации населения базировались на продуктивной производящей экономике, и в том числе на высоко развитой металлургии, технологическая цепочка, которой представлена всеми этапами, от добычи сырья до обработки конечного изделия (Папин, 2005). Наиболее показательным в этом плане является поселение саргаринско-алексеевской культуры Рублево-VI, расположенное в южной Кулунде в глубине ленточного

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ — проекты № 12-11-22008 и 12-01-00360.

лесного массива, на краю древней озерной котловины. К настоящему времени, в сибирской археологической литературе в достаточной степени представлены разные аспекты изучения этого памятника (Шамшин, Брусник, 1990; Шамшин, Дуда, Изоткин и др., 1999; Шамшин, 1999; Кирюшин, Папин, Шамшин, 1999; Папин, Ченских, Шамшин, 2000; Михайлов, Папин, Шамшин, 2001; Кирюшин, Косинцев, Папин, Шамшин, 2001, Папин, Шамшин, 2001; Папин, Шамшин, 2002; Папин, 2002; Папин, 2003; Папин, Федорук, 2005; Кирюшин, Грушин, Папин 2009). Целью настоящей статьи является обобщение основных результатов исследования данного памятника.

На сегодняшний день на поселении двумя раскопами вскрыто более 1000 кв. м площади, полностью изучено одно жилище и начато изучение второго, раскопана часть зольника, металлургическая площадка, колодец и другие объекты хозяйственного значения.

Керамическая коллекция поселения Рублево-VI состоит более чем из 3000 фрагментов, из которых орнаментировано 17,89%. Исходя из орнамента и формы посуды, выделяется четыре группы керамики, соответствующие четырем культурным традициям.

Первая традиция (рис. 1, 2). Представлена фрагментами не менее чем 419 сосудов. Основные типы форм: горшки, банки, кувшины. Орнаментировались в основном плечики (35,8%) и шейка (33,7%), реже — тулово (29,8%). В единичных случаях декорировался венчик сосуда — 0,7%. Господствующей техникой декорирования являются пальцевые узоры (43,8% всех орнаментированных фрагментов), нарезки (18,3%), штампование (гладкий штамп — 23,1%, крупнозубчатая гребенка — 7,5%). Реже встречается выдавливание (9,3%). Использовалась техника налепов. В первую культурную традицию входит 90,91% всей валиковой и 96,43% воротничковой керамики поселения. Для данной традиции выделяется 63 элемента орнамента: различные линии и треугольники, выполненные пальцевыми защипами и оттисками ногтя, пояски, елочки, сеточки, зигзаги, широкие каннелюры. Изредка встречаются геометрические мотивы (преимущественно различные варианты треугольников).

Эта посуда наиболее близка материалам саргаринско-алексеевской археологической культуры, выделенной по материалам Казахстана (поселения. Саргары, Новоникольское, Петровка-II-IV, Ильинка-I, Явленка-I, Ортау-II, Улутау, Шортанды-Булак, Тагибай-Булак, Усть-Кенетай, Копа, Шауке-1-3, Шарбакты, Мичурино 1, Типкаши-2, жил. №1 пос. Суук-Булак, жил. №1 поселения Каркаралинское-II, жил. №2 пос. Бугулы-II, могильники Актопрак, Донгал, Дермен, Кштан, Кзылкент (Маргулан, и др., 1966, табл. XVII, XVIII, XXXI, XXXIV-XXXVI, XLI, XLII, XLIV-XLVI, LI, LII; Маргулан, 1979; Евдокимов, 1982; Евдокимов, Ломан, 1982; Зданович, 1983, с. 79; Варфоломеев, 1987, с. 56-68; 1988а; Шамшин, Папин, Мерц, 2000; Мерц, Пересветов, Фролов, Позднякова, 2001; Бейсенов, Ломан 2009). С посудой казахстанских памятников керамика поселения Рублево-VI сближается по форме сосудов, и, в первую очередь, благодаря орнаментам, что проявляется в наличии одинаковых элементов и мотивов орнамента, прежде всего валиков, являющихся одним из «индикаторов» саргаринско-алексеевской культуры, воротничков, поясков из косых оттисков гладкого штампа, всевозможных елочек, сеточек, зигзагов, рядов ногтевых оттисков и пальцевых защипов. Сближает памятники также низкий процент геометрических мотивов и относительно редкое использование в орнаментах гребенчатого штампа. Некоторые общие черты присутствуют и в оформлении орнаментальных композиций (Зданович, 1984).

Ряд общих черт саргаринско-алексеевская керамика поселения Рублево-VI обнаруживает и с материалами поселения Донгал (Центральный Казахстан),

выделенными В.Г. Ломаном в «донгальский тип», датирующийся VIII в. до н.э. и относящийся в заключительному этапу существования саргаринско-алексеевской культуры (Ломан, 1987).

Вторая традиция (рис. 3). Представлена фрагментами не менее чем 54 сосудов. Основные типы форм сосудов: горшки и банки. Основными зонами орнамента являются плечики (41,1%) и тулово (34,3%) сосуда. Область шейки украшена реже (24,6%). Преобладающей техникой орнамента является штампование. Трижды встречается валик. В двух случаях он орнаментирован елочкой, выполненной оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа, в одном — сеточкой, выполненной таким же образом. Воротничок присутствует на одном фрагменте: орнаментирован двумя горизонтальными рядами параллельного зигзага, нанесенного мелкозубчатым гребенчатым штампом.

Для данной традиции характерно применение 20 различных элементов орнамента. Наиболее часто употребляются различные варианты поясков, зигзагов, елочек, геометрических фигур (треугольники, ромбовидные фигуры), выполненные оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа, а также ряды из оттисков конца полой трубочки (гусиного пера). По одному разу встречаются поясик из резных линий и ряд вдавлений, выполненных уголком лопаточки.

Наиболее близкие аналогии керамике второй культурной традиции находятся в материалах эпохи поздней бронзы Казахстана. Это посуда из могильников Бегазы, Дандыбай, Сангру, Шоиндыколь, Измайловка, поселений Бугулы-II, Мирзашоки, Мало-Красноярка, Трушниково (Маргулан и др., 1966, с. 195, табл. XXI; табл. XX; с. 281, табл. LIX; Грязнов, 1952; Маргулан, 1979; Варфоломеев, 1989, с. 83, 84; Ермолаева, 1987, с. 156, 158; Черников, 1960, табл. XL: 5-7; табл. LV: 3; табл. LVII: 11). Следует отметить, что подобная керамика на поселениях Казахстана также встречается лишь в виде примеси к основному, саргаринскому комплексу. Рядом исследователей она относится к бегазы-дандыбаевской культуре, выделенной А.Х. Маргуланом и датирующейся X–VIII вв. до н.э. (Маргулан, 1979). Сходство керамики Рублево-VI и посуды казахстанских памятников проявляется по ряду параметров: 1) Преимущественное использование в качестве орнамента мелкозубчатого гребенчатого штампа; 2) Сходство в мотивах декора (андроноидный геометризм, «шахматный» орнамент, пояски) и в композиционных схемах; 3) Одинаковая зональность орнамента (относительно свободная от орнамента область шейки, с преимущественным нанесением декора в зоне плечиков и тулова). Интересным фактом является наличие в коллекции банок, в том числе с воротничками.

Третья культурная традиция (рис. 4). Представлена обломками 29 горшков. Основной зоной орнамента является основание шейки (100%). Реже украшались верхняя часть шейки (41,37%), плечики (6,9%) и тулово (3,45%). Техника орнамента — нарезки (прочерчивание). Для данной традиции выделяется четыре элемента орнамента (узкие каннелюры, резная сеточка, резные равнобедренные треугольники с ямками по углам, вертикальные волнистые прочерченные линии).

Керамика данной культурной традиции находит немногочисленные аналогии в материалах ряда памятников ирменской и корчажкинской культур Западной Сибири (пос. Цыганкова Сопка-1, Казенная Заимка, Речкуново-III, Костенкова Избушка) (Шамшин, 1991, с. 143), а также среди комплекса поселения Трушниково в Восточном Казахстане (Черников, 1960, табл. LXII: 10) и на Атасуском поселении в Центральном Казахстане (Маргулан, 1979). Ряд общих черт, особенно в форме сосудов, данная традиция обнаруживает в керамических комплексах карасукской культуры (Членова, 1972, табл. 14: 2, 3).

Четвертая культурная традиция. Представлена фрагментами неорнаментированных сосудов (хумч), изготовленных на гончарном круге.

Аналогии станковой посуде находятся в материалах эпохи бронзы Средней Азии, в культуре Намазга-VI (Массон, 1959). Подобная керамика в виде примеси к основному саргаринско-алексеевскому комплексу присутствует на ряде позднебронзовых поселений Казахстана (Шауке, Шидерты) (Шамшин, Папин, Мерц, 2000, с. 113; Мерц, Пересветов, Фролов и др., 2001, с. 193).

Находки, связанные с металлургическим производством, представлены на памятнике практически всеми его этапами. В первую очередь, это остатки бронзолитейного горна, крица, шлаки, руда, каменные литейные формы, бракованные и готовые бронзовые изделия. Коллекция бронзовых изделий не многочисленна, но достаточно выразительна и показательна (рис. 5, 6). Она состоит из шестнадцати предметов: четыре бронзовых кинжала, четыре ножа, одно зеркало, три проколки, обломок серпа, а также ряд сильно фрагментированных изделий неясного предназначения. (Папин, Дураков, Федорук, 2006)

Категория вооружения представлена находками четырех кинжалов. Кинжал № 1 (рис. 5: 1) черешкового типа имеет клинок пламевидной формы, без нервюры. Сечение клинка линзовидное, насада — прямоугольное. При переходе от клинка к насаду имеется кольцевой упор-утолщение в виде валика. Относится к числу так называемых кинжалов «киммерийского» типа. Длина сохранившейся части лезвия составляет 12,5 см, длина черешка — 6,3 см, максимальная ширина клинка — 3,6 см, его толщина — 0,7 см, диаметр кольцевого упора — 1,7 см, а ширина — 1,5 см. Следует отметить, что данный экземпляр не имеет следов вторичной обработки. Кинжал был обнаружен с насаженной на черешок роговой рукоятью, округлой в сечении формы, с конусовидным отверстием под черешок кинжала. Длина рукояти 10 см, ширина — от 1,5 до 2,7 см.

Для степного пояса Северной Азии находка данных предметов является обычной в комплексах саргаринско-алексеевской культуры или синхронных культурных образованиях (Варфоломеев., 1987, рис. 6: 2; 2003, рис. 3; Маргулан 1979, рис. 136: 3; Папин, Ченских, Шамшин, 2000, с. 154-155; Зданович, 1988, табл. 10в: 3; Демин, Ситников, 2002, с. 27-29, Ситников, Фролов, 1995, рис. 1; Мерц, 2000; Аванесова 1991, с. 25, рис. 22: 23-26, рис. 28А: 13, 14, рис. 28Б: 5, 6; Иванов 2005б). Вопрос о предназначении кольцевого валика-утолщения не раз поднимался в литературе, разброс мнений довольно широк: от признания за этим элементом назначения перекрестия (Аванесова, 1991, с. 24), до объяснения его особым технологическим приемом для укрепления места стыка (Винник, Кузьмина, 1981, с. 91; Иванов, 2005а, с. 69). На наш взгляд, понимание в этом вопросе дает данная находка, так как кинжал был обнаружен *in situ* с насаженной на него роговой рукоятью, хотя черешковая форма насада, не исключает и иного варианта использования, а именно: как наконечника копья или дротика. Поскольку данный тип кинжала в большинстве случаев привязан совместным нахождением с керамикой позднебронзового облика, то и хронологические рамки его бытования соответствуют XII–IX(VIII) вв. до н.э., что признается большинством исследователей.

Кинжал № 2 (рис. 5: 2) также черешкового типа, клинок пламевидной формы, без нервюры. Сечение клинка линзовидное. По основанию клинка, на границе с черешком имеется валик-упор, частично наплывающий на нижнюю часть клинка (так называемый «уступ с выкружками»). Длина сохранившейся части изделия — 12,7 см, длина клинка — 11,3 см, его ширина достигает 3,6 см, толщина клинка — 0,6 см, диаметр валика-упора — 1,5 см. Так же как и предыдущий тип, эти кинжалы были широко распространены в памятниках эпохи

поздней бронзы степной полосы Западной Сибири и Казахстана (Кадырбаев Курманкулов 1992, с. 182, рис. 30; Маргулан 1979, рис. 47; Аванесова 1991, с. 49, рис. 42: 14-22; Зданович 1988, табл. 10г: 21; Матющенко 2004, рис. 416: 14). Наиболее близкой аналогией на Алтае является случайная находка кинжала около с. Островное Мамонтовского района (Иванов 2005а, с. 71, рис. 1).

Кинжал № 3 (рис. 5: 4) черешкового типа с клинком пламевидной формы. По всей длине клинка прослеживается нервюра. Сечение клинка предположительно линзовидное (изделие сильно корродировано). В нижней части клинка, в зоне его перехода в черешок, имеется «уступ с выкружками». Длина кинжала — 16 см, длина клинка составляет 14,7 см, его ширина доходит до 3,5 см, ширина нервюры — 0,3 см, толщина клинка — 0,4 см, диаметр валика-упора — 1,5 см. Относится к тому же типу, что и предыдущее изделие.

Кинжал № 4 (рис. 5: 3). Клинок вытянуто-пламевидной формы, без выделенного перекрестия, с прямоугольным в сечении черешком, плавно переходящим в клинок. Несмотря на плохую сохранность экземпляра, на переходе насада в клинок прослеживаются следы нервюры. Сечение лезвия уплощенно-линзовидное. Какого-либо упора на изделии не имеется. Длина кинжала — 12,9 см, длина клинка — 9,9 см, ширина последнего достигает 3,6 см, ширина черешка — 1,2 см, ширина нервюры — 0,4 см. Как было отмечено Г.Е. Ивановым, серия кинжалов данного типа различается шириной и длиной черешка, формой острия и сечения клинка, но данные различия не имеют хронологического значения, а отражают специфику изделий (Иванов Г.Е., 2005б, с. 51). На Алтае они встречены в хорошо датированных позднебронзовых комплексах на поселениях Кайгородка-3, Крестьянское-II, Калиновка-II, Чекановский Лог-7 (Удодов, 1994; Иванов, 2000, рис. 3: 1, 30; Ситников 2000, рис. 1: 3).

Найденные при раскопках поселения Рублево-VI кинжалы надежно документируются совместным залеганием с керамикой саргаринско-алексеевского и бегазы-дандыбаевского типов (подробнее в работе, посвященной зольнику этого памятника (Папин 2002)). В комплексах андроновских древностей Алтая подобных форм не известно, что ограничивает период их бытования на Алтае эпохой поздней бронзы XII–IX (VIII) вв. до н.э. Таким образом, совместное нахождение на памятнике трех типов кинжалов, различающихся, в том числе по виду клинка, насада и перекрестия, свидетельствует о том, что в среде саргаринско-алексеевского населения шел активный поиск оптимальных форм. По мнению, Г.Е. Иванова такое типологическое разнообразие и большое количество находок кинжалов в эпоху бронзы в степном Алтае свидетельствует об увеличении значения рукопашной схватки в военной тактике саргаринцев (Иванов 2005б, с. 52).

Нож № 1 (рис 6: 1) имеет прямой обушок, широкий клинок, массивную плоскую рукоять с желобком на одной стороне и отверстием в верхней части диаметром 0,7 см. Сечение лезвия подтреугольное, сечение рукояти трапецевидное. Длина сохранившейся части изделия составляет 23 см, при этом длина рукояти — 9 см, ширина лезвия — 4,3 см, ширина рукояти — 2,2 см. Толщина обушка постоянна и в лезвийной части, и на рукояти, и составляет 0,4–0,5 см. Данное изделие относится к типу специфичных казахстанских форм, выделенных М.П. Грязновым и отнесенных им к андроновской культуре (Грязнов, 1930). Изделия этого типа широко распространены в конце II – начале I тыс. до н.э. в памятниках эпохи поздней бронзы Средней Азии, Казахстана и Западной Сибири (Черников, 1960, с. 82, 231, табл. XXXVI: 1; Кузьмина 1966, с. 46–47, табл. X: 4; Зданович 1973, с. 50, рис. 4: 2; Матющенко 1974, с. 47–48; Матющенко 2004, рис. 416: 11). По классификационной схеме Н.А. Аванесовой наш нож

относится к числу желобчато-рукоятчных, ареал бытования которых охватывает всю территорию андроновской историко-культурной общности. Они широко встречаются на поселениях вместе с «валиковой» керамикой (Аванесова 1991, с. 28, рис. 32).

Нож № 2 (рис 6: 2) имеет обушок, прямой в зоне рукояти и слегка выгнутый на лезвии, сечение лезвия и рукояти подтреугольное. Нож коррозирован, длина сохранившейся части составляет 13 см, длина рукояти — 3 см, ширина лезвия — 2,5 см, ширина рукояти — 1,3 см. Толщина обушка в лезвийной части составляет 0,5 см, на рукояти — 0,4 см. Прямо-обушковые ножи с рукоятью, выделенной уступом, являются самыми распространенными бронзовыми изделиями, найденными в комплексах эпохи поздней бронзы (Матющенко 2004, рис. 416: 1-11; Членова 1994, рис. 1: 12-15, 18, 19, 37, рис. 2: 12; Аванесова 1991, рис. 33). Наш экземпляр отличает более тонкая рукоять. Возможно, это обусловлено тем, что могли использоваться не деревянные накладки (как, например, на ножах из ЕК II), а съемная костяная рукоять, как на первом кинжале.

Нож № 3 (рис 6: 3) представлен крупным обломком, имеющим ярко выраженный вогнутый обушок, переход к рукояти не выражен. Клинок изделия незначительно шире рукояти за счет проковки изделия по лезвию и отсутствия таковой в зоне рукояти. Сечение лезвия подтреугольное, сечение рукояти подпрямоугольное. Длина сохранившейся части ножа составляет 9,2 см, рукояти — 4,5 см, ширина лезвия — 2,3 см, рукояти — 1,8 см. Толщина обушка постоянна в лезвийной части и на рукояти и составляет 0,6 см. На краю рукояти имеется кольцевидное навершие с круглым сквозным отверстием диаметром 1,1 см. Наиболее близкая аналогия происходит с пос. Атасу (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 232, рис. 20: 2).

Нож № 4 (рис 6: 4) представлен фрагментом клинка, обломанном в месте перехода в рукоять, и скорее всего, относится к выгнуто-обушковым. Сечение лезвия подтреугольное, его длина составляет 7 см, а ширина — 2,2 см, ширина рукояти — 2,2 см, толщина обушка — 0,5 см. По всей видимости, изделие не было в употреблении, так как не прошло вторичной обработки, сохранились литейные наплывы. Фрагмент подобного изделия найден на поселении Гусиная Ляга-1 (Ситников, 2002, рис. 13: 4) и поселении Чекановский Лог-1 (Демин, Ситников, 1999, с. 26-27, рис. 2: 1, 3). Их объединяет характерная скошенность спинки к кончику лезвия.

Нож № 5 (рис 6: 7). Представляет собой небольшой, сильно коррозированный фрагмент лезвия (длина — 6,9 см, ширина — 1,8 см, толщина обушка — 0,5 см). Предмет деформирован под воздействием больших температур и, скорее всего, является бронзолитейным ломом.

Все обнаруженные на памятнике однолезвийные ножи, несмотря на свою разнотипность, в целом схожи и относятся к эпохе поздней бронзы, о чем свидетельствуют многочисленные аналогии им в материалах памятников Казахстана и Алтая (подробнее о ножах см.: Папин, Федорук, 2006). Ситуация, когда вышеописанные формы ножей и кинжалов встречаются совместно, является обычной для периода поздней бронзы, например на поселении Атасу-I (Маргулан 1979, рис. 136). Данный набор бронзовых предметов можно назвать обычным для памятников саргаринско-алексеевской культуры Алтая и Казахстана.

Найденное на памятнике бронзовое зеркало (рис. 6: 5) представляет собой плоский диск диаметром 6,5 см и толщиной 0,2 см. На обратной стороне изделия имеются два загнутых по направлению друг к другу шпенька, соприкасающихся краями и образующих небольшую петельку (длина 2,2 см, высота — 0,5 см, ширина — 0,6 см), несколько смещенную от центра к краю. Аналогичное зеркало (но больших размеров — диаметр 9 см) было обнаружено при исследовании

позднебронзового могильника Чекановский Лог-7 в Третьяковском районе Алтайского края (Ситников 1999, рис. 1: 4).

Проколка № 1 (рис. 5: 5) представлена сильно коррозированным изделием длиной 9 см. В 3,2 см от края насада имеется валик-упор, шириной 0,8 см, сечением сторон по 1,7 см. Проколка постепенно утончается от насада к рабочей части. Ширина сторон в средней части — 0,5 см. Прямых аналогий не известно. Вместе с тем появление валика на ряде изделий (керамика, кинжалы, долото и так далее) — типично для эпохи поздней бронзы.

Проколка № 2 (уток?) (рис. 5: 6) имеет длину 9,1 см. В 3,1 см от края насада имеется небольшая петелька, шириной 0,5 см, длиной 1 см, высотой 0,3 см. Изделие имеет подквадратное сечение в средней и рабочей части, а насад — прямоугольное сечение с округлым окончанием. Ширина проколки в средней части — 0,5 см, рабочей — 0,2 см, сечение насада — 0,4x0,2 см.

Проколка № 3 (рис. 5: 7) — длиной 9 см, имеет подпрямоугольное сечение. Сечение проколки в рабочей части 0,6x0,4 см.

Проколка № 4 (рис. 5: 8) представлена небольшим фрагментом рабочей части с острием. Длина изделия — 5,2 см. Сечение проколки подквадратное, со сторонами по 0,5 см.

Фрагмент шила (?) (рис. 5: 9). Представляет собой обломок острия (длина 3,3 см), округлого сечения (диаметр 0,65 см).

Аналогии шилу и проколкам № 3, 4 широко представлены в материалах позднебронзовых памятников региона. Датировать их можно достаточно широко — эпохой поздней бронзы, XII–VII вв. до н.э.

Фрагмент серпа (рис. 6: 6). Видимо, в целом виде представлял собой массивное орудие выгнуто-обушковой формы, с крюком в верхней части рукояти (тип Б 2 по Н.А. Аванесовой (1991, с. 19–20). Вместе с тем, лезвие изделия прямое, что сближает его с типом Г (серпы-секачи). Наиболее близкие аналогии: случайная находка целого серпа у с. Корболиха Третьяковского района Алтайского края (Клюкин 1993, с. 138, рис. 1: 5), на поселении Бурла-3 (Удодов, 1994), а также обломки подобных изделий происходят с поселений Гилево-2 (Могильников 1995, с. 81), Чекановский Лог-1 (Демин, Ситников 1999, с. 27, рис. 2: 4). Датированы данные вещи в рамках XIV–IX вв. до н.э. (Удодов, 1994; Демин, Ситников 1999, с. 27; Аванесова 1991, с. 20).

Как было сказано выше, следы металлургии, наблюдаемые на поселении Рублево-VI, включают: плавильный горн, найденный в нем металлургический шлак, обломок руды, фрагменты литейных форм, находки изделий из цветного металла.

Шлак представляет собой лепешку спекшейся до стекловидного состояния массы с включениями капель восстановленного металла. Верхняя сторона лепешки плоская и имеет следы застывания поверхностного натяжения жидкости, нижняя — полукруглая и имеет отпечаток структуры дна печи или литейной чаши, в которой производилась плавка.

Литейные формы. Изучены фрагменты от трех экземпляров. Все они каменные. Из-за фрагментарности находок только в двух случаях можно предположительно определить отливавшиеся в формах предметы. На одной из них сохранилась часть лезвия кельта или крупного тесла, а на втором прослеживается рукоятка ножа с валиковым навершием. Сердечник изучен в одном экземпляре. Представляет собой небольшой глиняный цилиндр, зажимавшийся между створками формы для получения полости в отливаемом предмете. Он вылеплен вручную из одного куса глины, отчего на его поверхности остались хорошо заметные пальцевые вдавления. Для закрепления в форме у

одного из концов сердечника круглой палочкой были сделаны неглубокие углубления для штифтов.

Кинжалы и ножи отлиты в двухчастных литейных формах, после чего их лезвия были сильно прокованы. При этом металл деформировался в основном не вдоль, а поперек лезвия, ширина которого в результате значительно увеличивалась. Проковка видимо была необходима не только для общего укрепления и заострения лезвия, но и для ликвидации такого частого для рублевских отливок дефекта, как внутренние газовые раковины. Именно этим, видимо, объясняется, то что ковке подвергались не только края лезвий, но и ребра жесткости, как это прослежено на кинжале № 4 (рис. 5: 3). Ребро жесткости при этом почти полностью сминалось (хорошо прослеживается только на черенке), и его возможности по укреплению клинка на поперечный слом значительно снижались.

Из серии шильев наибольший интерес представляет шило с боковым ушком (рис. 5: 6). Изделие отлито по пластичной модели, что хорошо заметно при бинокулярном исследовании ушка, на котором в месте его крепления к основному телу модели прослеживаются следы разглаживания и лепки пластичного материала. Второе шило тоже литое (рис. 5: 5). Оно отличается находящимся на середине его стержня упором в виде двухстороннего поперечного выступа. Остальные шилья откованы из литых медных стержней и совершенно типичны как для времени существования поселения Рублево-VI, так и для всего бронзового века в целом.

Зеркало представляет собой плоский диск с полукруглой петелькой на оборотной стороне. Петелька имеет литейный дефект в виде спая. Такой вид пороков обычно возникает при недостаточной температуре заливки металла (Атлас ..., 1958, с.125). На оборотной стороне зеркала сохранились перешедшие на отливку с модели следы лепки и разглаживания какого-то пластичного материала. Вероятнее всего, форма для его отливки изготовлена по модели, вылепленной из пластичной массы, разглаженной для получения ровной поверхности на какой то плоскости.

В данном изделии интересно то, что такой тип зеркал более характерен для конца эпохи поздней бронзы. Например, подобные изделия найдены в могильнике Танай-7 и поселении Линево-1 (Бобров, Мыльникова, Мыльников, 1999, с. 262, табл. 3, 4). Вызывает интерес, что изделия эпохи поздней бронзы совпадают по методу изготовления, отличающемуся только более низкой температурой заливки металла, приведшей в рублевском изделии к литейному дефекту (Дураков, Мыльникова, 2004, с. 111-112, рис. 5: 1).

Таким образом, на поселении Рублево-VI прослежен полный металлургический цикл, включающий как выплавку металла из руды, так и отливку и кузнечную доработку готовых изделий. Судя по состоянию горна, работы с его участием проводились длительное время. Для получения литейных форм применяли как жесткие модели длительного использования, так и пластичные восковые одноразовые модели. Наличие большого количества однотипных изделий (например, серия кинжалов), использования многоразовых моделей и форм, рассчитанных на серийное производство, говорит о том, что выявленная здесь мастерская работала с расчетом на большое количество потребителей и, видимо, была ориентирована на вывоз изделий за пределы поселения.

На поселении представлены все категории бронзового инвентаря, бытовавшие в среде населения саргаринско-алексеевской культуры. Особенностью производства таких предметов, как кинжалы и ножи, является, их сильная раскованность (что в дальнейшем привело к сильной коррозии изделий) — после отливки вещь подвергалась тщательной ковке, в результате чего она

принимала законченную форму. Этот технологический аспект заметно отличает местную традицию от подходов ирменских кузнецов, для которых нехарактерен этот прием. Учитывая тот факт, что найденная в горне крица является продуктом переплавки бронзового лома, а находки руды единичны, можно предположить, что плавка металла и изготовление изделий происходило непосредственно на поселении, а сам металл доставлялся в виде слитков из других регионов.

Плавка бронзы велась как в ямах или кострищах открытого типа, так и в специально оборудованном горне. Затем масса разливалась для изготовления предметов в керамические сосуды, глиняные и каменные разъемные формы. Последний факт указывает на возможность изготовления значительных серий изделий. На стадии послелитейной обработки изделие проковывалось, шлифовалось, затачивалось, для этих операций использовались каменные бруски, молоточки. Таким образом, процесс бронзолитейного производства был несложен, и простейшие операции могли выполняться в каждом жилище. Ярким примером подобной практики является городища Чича-I, где следы металлургии обнаружены практически во всех исследованных жилищах (Молодин и др., 2003). При общедоступности этого производства встает вопрос об источниках сырья. В.В. Бобров, рассматривая металлургию поздней бронзы, писал о переориентации ирменской культуры на восточные рудные источники (Бобров, 1997). Причины изменения традиционного направления, характерного для андроновской эпохи, могут быть связаны с тем, что сырьевая база рудного Алтая была направлена на удовлетворение нужд большого культурного конгломерата «саргаринско-алексеевская культура».

Что касается типа производства, то присутствие следов рудоплавильной деятельности, специально оборудованных горнов, серийного изготовления изделий, устойчивых связей с рудной базой свидетельствует о том, что в данной области экономики выделилась специализированная социальная группа, так же как это произошло на сопредельных территориях Казахстана и Кузнецкой котловины (Папин, Дураков, Федорук, 2006).

По материалам радиоуглеродного датирования различных образцов (кости животных, остатки древесины, уголь и палеопочвы) поселение Рублево-VI имеет относительно узкую датировку, скорее всего, в рамках XII–IX вв. до н.э. (Папин, 2008).

Анализ археозоологической коллекции из раскопок поселения Рублево-VI, проводившийся канд.биол.наук П.А. Косинцевым, позволил получить следующие данные:

В среднем доля костей крупного рогатого скота на памятнике составляет 36,4% всех домашних животных (КРС, МРС и лошадей). Возрастная структура забиваемых животных во всех случаях определялась по состоянию зубной системы. Во всех объектах преимущественно забивались взрослые и полувзрослые особи КРС, что указывает на мясомолочное направление, с преобладанием молочной направленности.

Средняя доля костей мелкого рогатого скота на памятнике составляет 20,5% всех домашних животных. В стаде МРС подавляющее большинство составляли комолые овцы. Среди коз доля рогатых особей была выше, чем среди овец. Последние были заметно крупнее коз. По возрасту абсолютное большинство забитых животных относится к взрослым и полувзрослым. Это говорит о широком использовании овец для получения шерсти.

В среднем доля костей лошади на памятнике составляет около 43% домашних животных. Доля разновозрастных лошадей среди изученных комплексов примерно одинакова. Это отражает разнообразное использование

лошадей: на мясо, для выполнения работ, где требуется резвость и для выполнения «спокойных» работ.

Практически все остатки, независимо от объектов, представляют собой типичные кухонные отбросы. Следует отметить, что подобное соотношение состава стада свидетельствует о придомно-отгонном характере скотоводства, поскольку в стаде явно преобладают животные, способные самостоятельно добывать себе корм из-под снега. Видовой состав костных остатков однозначно свидетельствует, что основой экономики населения поселка было скотоводство. Кости диких видов очень малочисленны и, очевидно, что охота играла небольшую роль в хозяйстве. Среди них наиболее многочисленны кости лося и, в целом, копытных, что свидетельствует и доминировании «мясного» направления в охоте.

В результате анализа материалов поселения Рублево-VI хозяйственная деятельность племен саргаринско-алексеевской культуры на территории Кулундинской степи реконструируется следующим образом: сложилась скотоводческая направленность хозяйства с преобладанием мясо-молочного направления. Охота не играла особой роли, но, видимо, охота на крупных копытных способствовала сохранению стада домашнего скота в летний период. По сравнению с андроновским периодом в эпоху поздней бронзы происходит увеличение удельного веса МРС и лошади в стаде. Увеличивается доля животных, способных самостоятельно добывать корм из-под снега в зимний период, видимо, животноводство имело отгонный характер (Папин, 2012).

При интерпретации полученных материалов, необходимо учитывать, что поселение Рублево-VI — это довольно сложный комплекс, в котором выделяются: архитектурно-планировочная организация территории (круговая застройка с выделением центра); производственный металлургический участок; зольник, связанный с определенными ритуальными действиями; довольно сложная конструкция сооружений (многокамерные земляночного типа). Наличие металлургических площадок, каменных литейных форм и значительная коллекция бронзового инвентаря свидетельствует о местном бронзолитейном производстве, направленном, по всей видимости, не только на удовлетворение внутренних потребностей жителей поселка. Всё это, вместе с производящей экономикой, основанной на животноводстве, свидетельствует о наличии у жителей поселка Рублево-VI определенной иерархической структуры, и, возможно, выделении специализированных групп населения. Кроме этого, важным показателем является присутствие на памятнике так называемой «станковой керамики» (выполненной на гончарном круге), очагом распространения которой традиционно считалась территория Средней Азии, что указывает на южное направление связей поселка Рублево-VI. Отчасти наличие дальних связей подтверждается находками костей верблюда, их очень немного и принадлежат они взрослым особям, что косвенно свидетельствует о том, что население поселка их не разводило, и попали они сюда через контакты с соседними степными территориями.

Идентифицируя Рублево-VI, мы используем понятие «хозяйственно-культурный центр (ХКЦ)», поскольку вышеперечисленные признаки выводят его за рамки рядового поселения. Но с другой стороны, мы не считаем возможным применения термина «протогород», так как на объекте не выявлены фортификационные сооружения, монументальная архитектура и др. Термин ХКЦ наиболее адекватно определяет положение памятника в системе археологической культуры и является отражением определенных процессов развития саргаринско-алексеевского общества. Значение Рублево-VI в своем регионе, характер связей, место в системе позднебронзовых культур степной части Обь-Иртышского междуречья только разрабатывается. Комплексное изучение его материалов должно дать ответы на эти вопросы. Так как ХКЦ

являются отражением определенного уровня развития человеческого сообщества, в котором тесно взаимодействует социальное, биологическое и техногенное начало, то, соответственно, основные решения поставленных исследовательских задач должны реализоваться в междисциплинарном подходе, базирующемся как на археологических материалах, так и на основе данных естественных наук и показателях социологии.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент, 1991. – 200 с.

Атлас литейных пороков. Пороки отливок из ковкого чугуна, стали и сплавов цветных металлов. Том II. – М., 1958. – 228 с.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы, 2009. – 264 с.

Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия среднего Енисея (лугавская культура). – Кемерово, 1997. – 100 с.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. Работы на могильнике Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. – Новосибирск, 1999. – С. 258–262.

Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы могильника Шоиндыколь // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989. – С. 76–84

Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 56–68.

Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская культура (XII-XI вв. до н.э.) // Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 2002. – С. 40–63.

Винник Д.В., Кузьмина Е.Е. Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА. – М., 1981. – № 167. – С. 48–53.

Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки. – Л., 1930. – Вып. 3. – С. 149–162.

Грязнов М.П. Памятники карасукской эпохи в Центральном Казахстане // СА. – 1952. – Вып. XVI. – С. 129–162.

Демин М.А., Ситников С.М. Аварийные раскопки в зоне береговых разрушений Гилевского водохранилища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1999. – Вып. X. – С. 99–101.

Демин М.А., Ситников С.М. Некоторые результаты археологических раскопок поселения Чекановский Лог-1 // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул, 1999. – С. 25–35.

Демин М.А., Ситников С.М. Кинжал эпохи поздней бронзы из Третьяковского района Алтайского края // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002. – С. 27–29.

Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Технология изготовления бронзовых изделий из могильника Танай-7 // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2004. – № 3 (19). – С. 106–120.

Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. – Караганда, 1982. – С. 3–20.

Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Поселение Копы I // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. – Караганда, 1982. – С. 20–57.

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987. – С. 64–94.

Зданович Г.Б. Поселение Явленка 1 — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана // Из истории Сибири. – Томск, 1973. – Вып. 7.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. – Свердловск, 1988. – 180 с.

Зданович С.Я. Происхождение саргаринской культуры (к постановке вопроса) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 69–80.

Иванов Г.Е. Жилище эпохи бронзы с поселения Калиновка-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2000. – Вып. XI. – С. 146–149.

Иванов Г.Е. Бронзовый кинжал из с. Островного и некоторые вопросы развития военного дела населения саргаринско-алексеевской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2005а. – Вып. XIV. С. 66–72.

Иванов Г.Е. Вооружение населения степного и лесостепного Алтая в эпоху поздней бронзы // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск, 2005б. – С. 44–58.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата, 1992. – 248 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Радиоуглеродная хронология памятников эпохи раннего металла Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. – Барнаул, 2009. – С. 120–124.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990. – С. 104–128.

Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Федорук А.С. Вопросы хозяйственной деятельности населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. – Барнаул, 2010. – С. 112–12.

Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Исследования Рублевского археологического микрорайона на юге Кулундинской степи в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII. – С. 330–335.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул, 2004. – С. 62–85.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Рублево-VI — новое поселение эпохи поздней бронзы в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1999. – Т. V. – С. 380–385.

Клюкин Г.А. Случайные находки из Алейских степей // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. – Барнаул, 1993. – С. 136–140.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // Свод археологических источников. – М.-Л., 1966. – Вып. В4-9.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 115–129.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – 435 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979. – 363 с.

Масон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. – 1959. – № 73. – 215 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура. // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 12. – 196 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2.: Еловский-II могильник. Доирменские комплексы. – Омск, 2004. – 468 с.

Мерц В.К., Пересветов Г.Ю., Фролов Я.В., Позднякова О.А. Предварительные итоги охранных раскопок поселения эпохи поздней бронзы Шауке 2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2001. – Вып. XII. – С. 190–192.

Мерц В.К. Новые находки бронзовых изделий из Павлодарского Прииртышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2000. – Вып. XI. – С. 138–140.

Михайлов Н.Н., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Исследования на юге Кулундинской степи // Археология и этнография Сибири. – Новосибирск, 2001. – С. 414–418.

Могильников В.А. Поселение Гилево 1 // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. 5, ч. 2. – С. 78–84.

Молодин В.И., Парцингер Г., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А. Коллекция бронзовых изделий городища Чича I // Исторический опыт культурного и хозяйственного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – Книга I. – С. 323–333.

Папин Д.В. Исследования в Алтайском Приобье и Кулунде // Археологические открытия 1999 года. – М., 2001. – С. 274–275.

Папин Д.В. Исследования на юге Кулунды // Археологические открытия 2000 года. – М., 2001. – С. 246–247.

Папин Д.В. Хозяйственно-культурный центр поздней бронзы на юге Кулунды // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул, 2001. – С. 274–275.

Папин Д.В. Особенности функционирования зольника эпохи поздней бронзы поселения Рублево VI // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура (Материалы международной научной конференции). – Барнаул, 2002. – С. 181–183.

Папин Д.В. Хозяйственно-культурный центр как отражение определенного уровня развития древнего общества // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово, 2003. – С. 34–38.

Папин Д.В. Культура населения лесостепного Алтайского Приобья в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку: Автореф. дис.... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004. – 21 с.

Папин Д.В. Проблемы социогенеза древних обществ эпохи поздней бронзы степной полосы Западной Сибири // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск, 2005. – С. 292–294.

Папин Д.В. Эпоха поздней бронзы Алтая (проблемы радиоуглеродной и археологической датировки) // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 2008. – С. 237–240.

Папин Д.В. Животноводство населения эпохи поздней бронзы Кулундинской степи (по материалам поселения Рублево VI) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 2012. – С. 148–151.

Папин Д.В., Федорук А.С. Орнаментальная схема керамического комплекса поселения Рублево VI как источник для реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия степной зоны Алтая в эпоху поздней бронзы // Проблемы историко-

культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005. – С. 192–195.

Папин Д.В., Федорук А.С. Ножи эпохи поздней бронзы — переходного от бронзы к железу времени с территории степного Обь-Иртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул, 2006. – С. 97–106.

Папин Д.В., Федорук А.С. Об особенностях скотоводческого хозяйства племен восточного ареала саргаринско-алексеевской культуры // Маргулановские чтения-2011. – Астана, 2011. – С. 93–96.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Материалы переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа в лесостепном Алтайском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С. 141–144.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселение Рублево VI и некоторые вопросы генезиса позднебронзовых культур степной зоны юга Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001. – С. 65–67.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Хроностратиграфия археологических комплексов озера Рублево (Южная Кулунда) // Хронология и стратиграфия археологических памятников эпохи голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. – Тюмень, 2002. – С. 72–77.

Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б. Материалы эпохи поздней бронзы из Южной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2000. – Вып. XI. – С. 152–155.

Папин Д.В., Дураков И.А., Федорук А.С. Металлообработка бронзовых изделий на поселении эпохи поздней бронзы Рублево VI // Алтай в системе Евразийской металлургической провинции бронзового века. – Барнаул, 2006. – С. 107–116.

Ситников С.М. Могильник финальной бронзы Чекановский Лог 7 // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 1999. – С. 75–78.

Ситников С.М. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая: автореф. дис.... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002. – 21 с.

Удодов В.С. О роли бегазы-дандыбаевского компонента в этнокультурных процессах эпохи поздней бронзы Западной Сибири // Проблемы хронологии и истории. – Барнаул, 1991. – С. 84–92.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.

Федорук А.С. Этнокультурное взаимодействие древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 16 с.

Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Памятники VIII-V вв. до н.э. Рублевского археологического комплекса // Кадырбаевские чтения. Материалы международной научной конференции. – Актобе, 2007. – С. 214–220.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. – М.-Л., 1960. – № 88. – 276 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской культуры. – М., 1972. – 248 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М., 1994. – 170 стр.

Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К. Исследования поселений эпохи поздней бронзы в Южной Кулунде // Востоковедные исследования на Алтае. – Барнаул, 2000. – Вып. II. – С. 5–20.

Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII–VI вв. до н. э.): Автореф. дисс... .канд.ист.наук. – Кемерово, 1988. – 16 с.

Шамшин А.Б. Новые исследования поселения Рублево-VI на юге Кулунды // История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 1999. – С. 45–49.

Шамшин А.Б., Брусник Н.Д. Новые материалы эпохи поздней бронзы из Кулунды // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1990. – Вып.1. – С. 49–51.

Шамшин А.Б., Дуда Я.В., Изоткин С.Л., Ситников С.М., Цивцина О.А., Ченских О.А. Некоторые результаты археологического исследования поселения Рублево-6 // Михайловский район: очерки истории и культуры. – Барнаул, 1999. – С. 29–41.

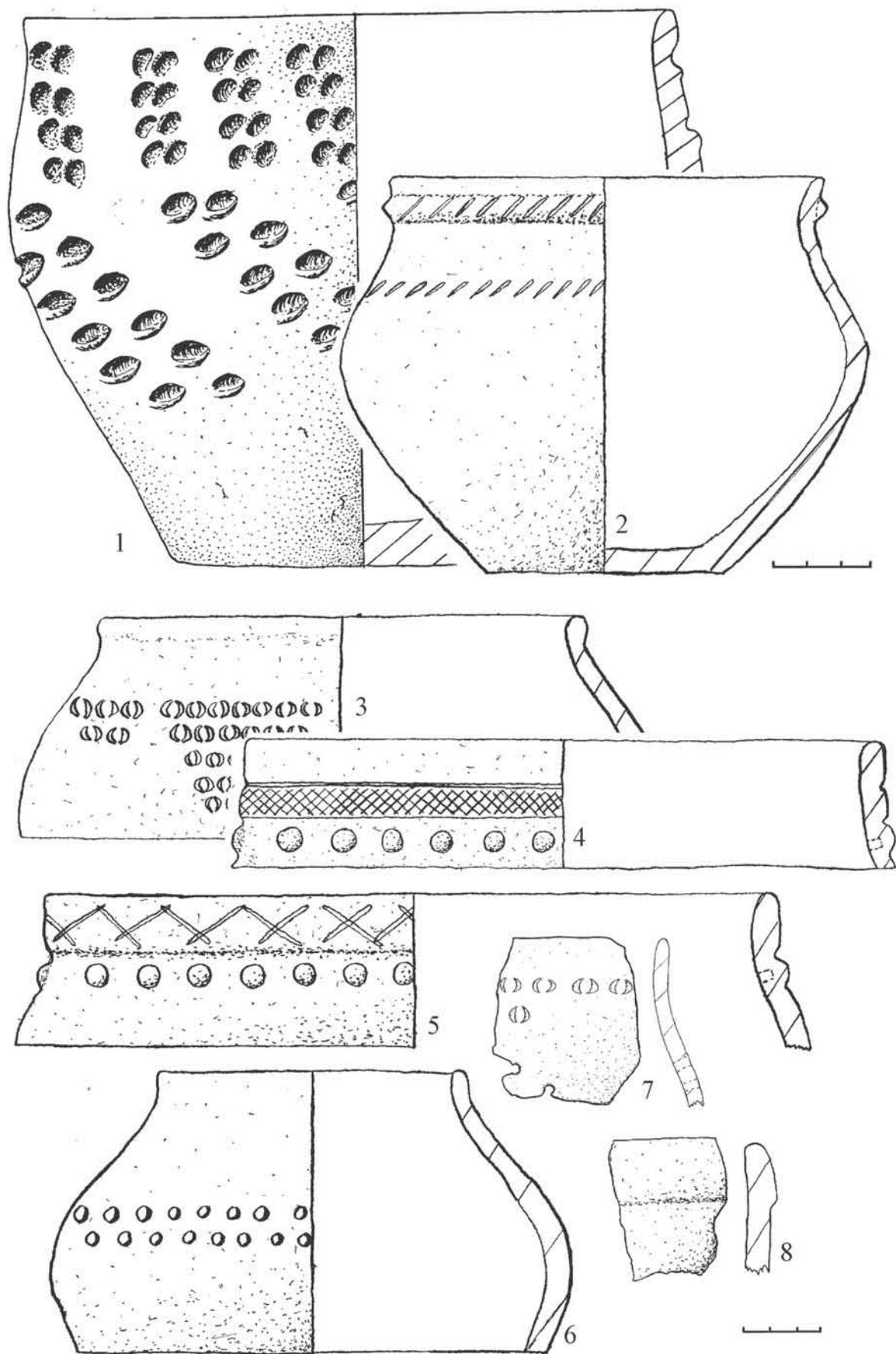

Рис. 1. Саргаринско-алексеевская керамика поселения Рублево-VI

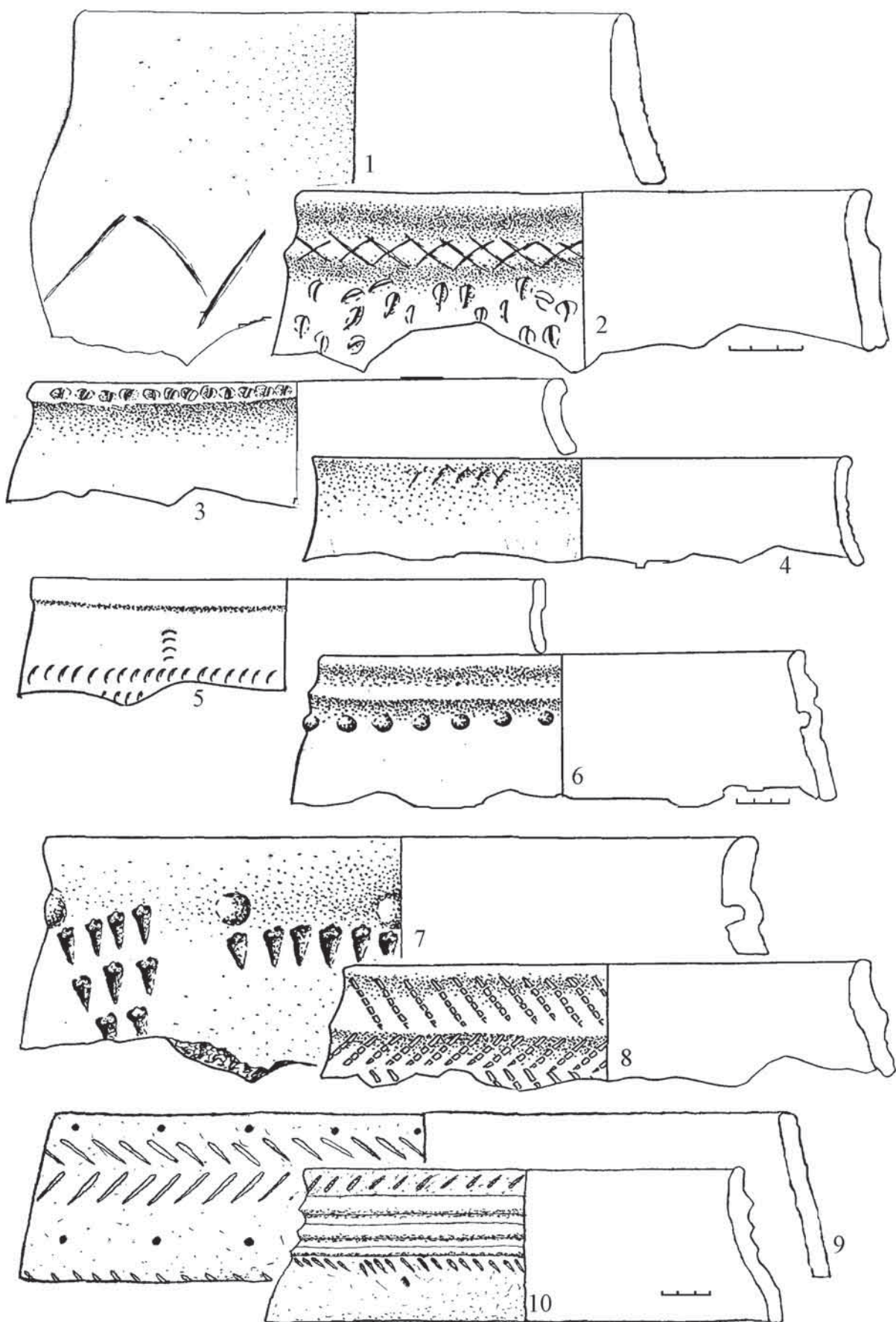

Рис. 2. Саргаринско-алексеевская керамика поселения Рублево-VI

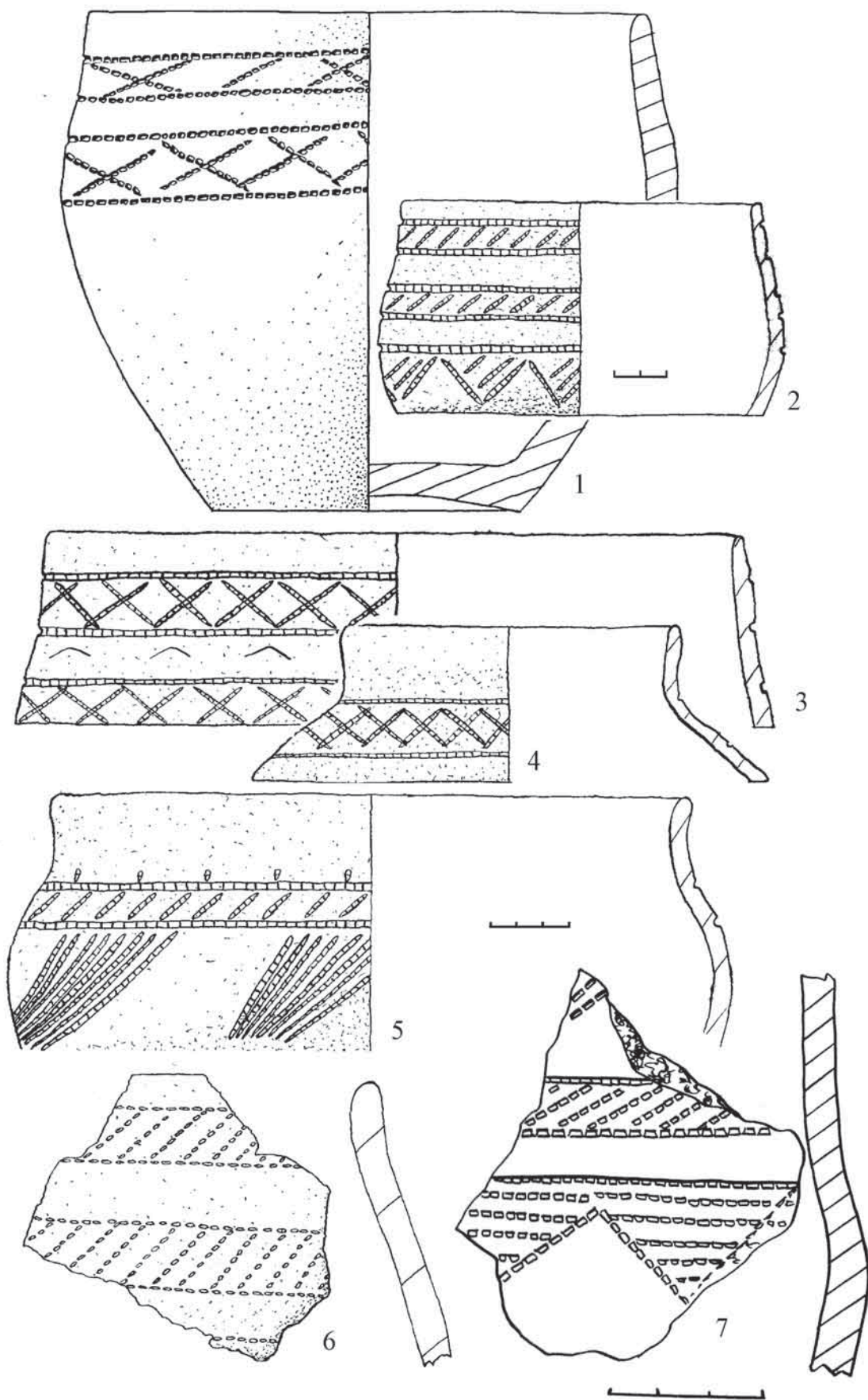

Рис. 3. Бегазы-дандыбаевская керамика поселения Рублево-VI

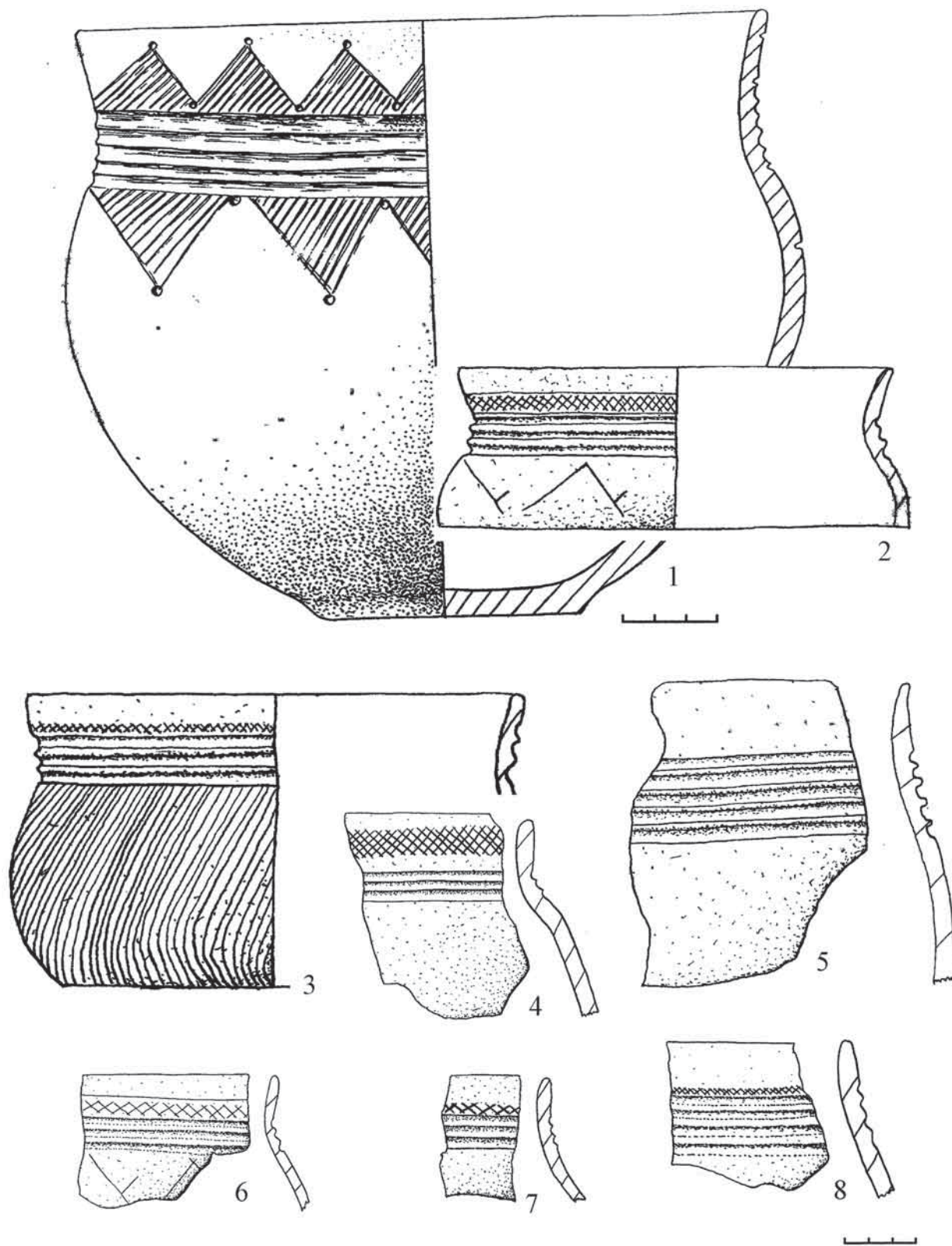

Рис. 4. Сосуды с каннелюрами поселения Рублево-VI

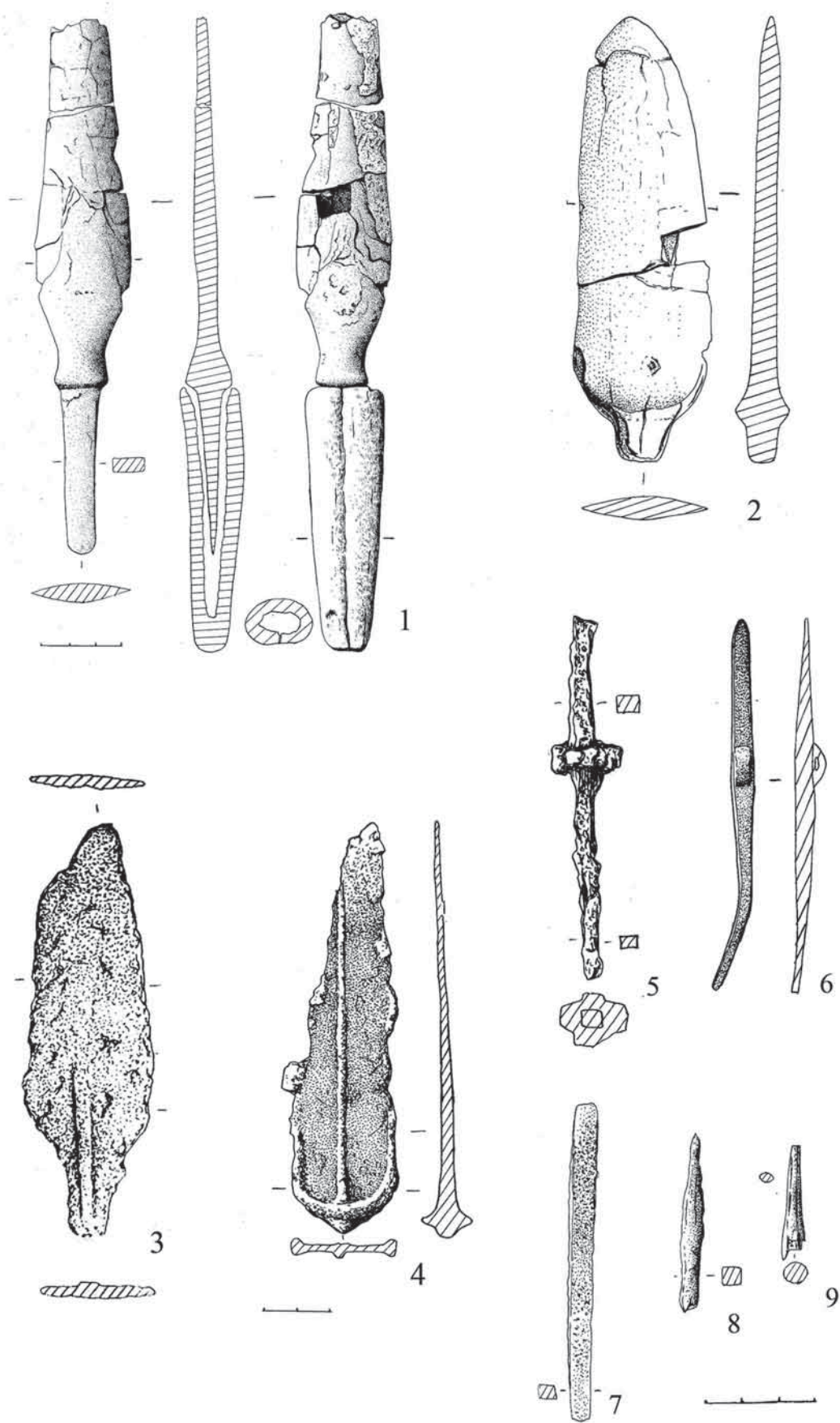

Рис. 5. Бронзовый инвентарь поселения Рублево-VI

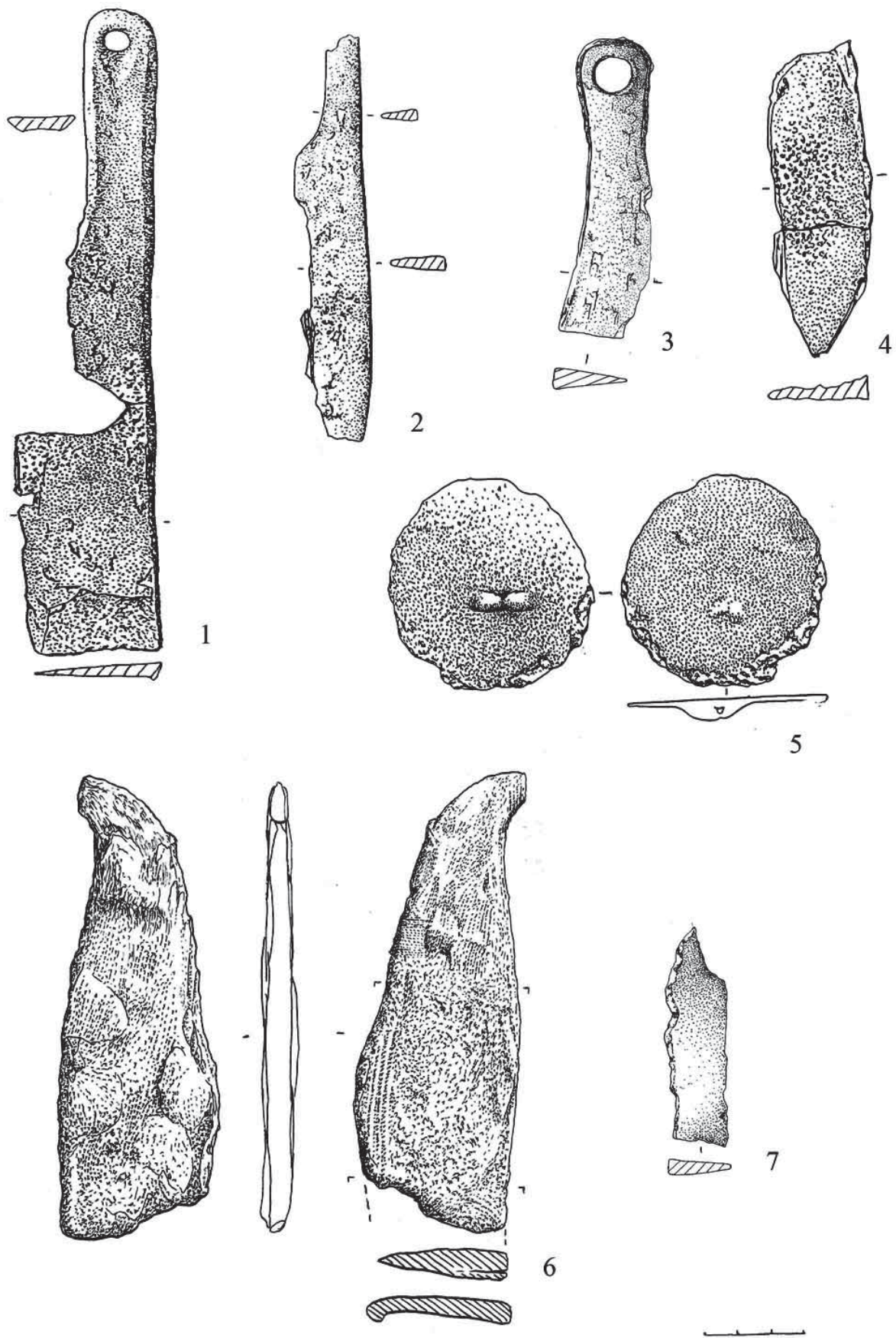

Рис. 6. Бронзовый инвентарь поселения Рублево-VI